

Эрих Мюзам
Бисмарксизм
1927

Сохранено 3 июля 2014 года из
<http://piter.anarhist.org/muehsam04.htm>
Bismarxismus; Из: Fanal, №5, 1927

ru.theanarchistlibrary.org

Бисмарксизм

Эрих Мюзам

1927

Свобода – это религиозное понятие. Кто является революционером в целях свободы, тот – религиозный человек; быть революционером не будучи религиозным означает добиваться революционными средствами целей, отличных от освободительных. Иначе говоря, революционная решимость может происходить из душевной нужды, из ощущения невыносимости принуждения, закона, обезличивания – тогда она революционна; она может так же происходить из трезвого исчисления необходимостей, если революция оказывается, среди прочих факторов, необходимым средством – тогда она позитивистская. Позитивист – это церковный человек, в противоположность религиозному, отрицатель дикости, опьянения и утопии: догматик и фаталист, которому свобода кажется мелкобуржуазной фантазией, а борьба за выживание – мерилom предназначения.

Здесь говорится о революционере, чьей революционной целью является свобода. Свобода – это общественное состояние, фундамент которого сторится свободными договорённостями людей для общих и дополняющих друг

друга работ и для взаимной гарантии жизни и её благ. Общественное состояние свободы покоится на свободе личности, свобода каждого, однако, обнаруживает свою границу у свободы общества, ибо где не все люди свободны, никто не может быть свободным. Борьба за эту свободу, которая несовместима с каким-либо родом начальства, законным принуждением, приказной дисциплиной или государственным насилием, — это религиозная идея анархии. Её воплощение требует революционного переворота основ общественного со-существования людей, я имею в виду создание материальной основы, на которой только и возможна свобода: это — экономическое равенство. Мы, анархисты, являемся социалистами, коллективистами, коммунистами не потому, что мы, якобы, в равномерном регулировании работы и распределения продукции ультимативное условие человеческого счастья, но потому что борьба за духовные ценности, за углубление и разнообразие жизни не кажется нам возможной (а именно эта борьба и есть смысл свободы), пока люди рождаются и вырастают в неравных условиях, пока духовное богатство может захлёбываться в материальной нищете, духовная и душевная убогость может сиять, как богатство, в блеске купленной власти и образования.

Равенство не имеет ни малейшего отношения к тому, что называется сегодня демократией. Равенство буржуазной демократии ограничивается признанием того, что каждая допущенная к голосованию персоне считается одним голосом. При этом большинство голосов, само собой, всегда гарантировано тому классу, который контролирует посредством экономических привилегий почти весь аппарат воздействия; сверх того, институты, в которые можно выбирать, по своей природе пригодны только для сохранения и управления существующего. Даже если большинство избирателей голосует с революционными намерения-

ми, избранники, какому бы программному направлению они не принадлежали, в своих коллективах не могут действовать иначе, как консервативно. Социализм и свобода недостижимы путём демократии, демократия же в смысле свободы и равенства возможна только на основе полностью воплощённого социализма. Эта настоящая демократия, означающая власть общества над самим собой, это самоуправление (Selbstbeherrschung) каждого отдельного [человека] в сознании своей общественной миссии, обуславливает экономическое и правовое равенство, которое является условием всякой свободы.

Нигде на свете религиозное стремление к свободе не находит такого презрения, как у немцев. Позитивизм, возведённый как философский принцип французом Комтом, нашёл реальную питательную среду в стране, которая уже пережила победу жестокого рационалиста Мартина Лютера над пламенным сотрясателем мира Томасом Мюнцером. Такова вся история Германии: всегда и везде схема и формула растаптывают живой дух, шкляющая премудрость – импульс внутреннего знания, церковь – религию. Сильнейший дух немецкой эпохи гениев, Гёте, импонирует немцам не своей аполлинической натурой, но своим здоровым отношением к жизни, и они обожают его за то, что он так хорошо умел облачать свой феноменальный ум в буржуазные одежды, и так так он дал учителям удобную фразу удовлетворённого аппетита: где есть равенство, не может быть свободы. О самых пылких душах того времени, о Хольдерлине и Жан-Поле, немец знает мало, и почему попытка романтиков сбежать от ударов сапогов прусских молодчиков в мифологию и мистицизм выли-

¹ Суффикс «ei» в немецком выражает презрительное отношение говорящего к объекту повествования. За неимением аналога оставляю оригинальное выражение в скобках. Прим. перев.

лась в пошлую сентиментальность, чтобы затем наконец-то быть погребённой в позитивизме литературой Берне и Лаубе – об этом люди не задумываются. «Молодая Германия» – это был литературный позитивизм, поперчённый гегельянством (Hegelei)^{1*}.

Позитивизм, философия трезвых фактов, котоая в итоге путает учёность с действительностью, и гегельянство, униформированное «меттернихство» духа, чьи неоспоримые абстракции и диалектическое жульничество производят на свет тупую идею, находить всё действительное разумным, — эти пути должны были одновременно лечь на суставы воли немцев, чтобы уничтожить их лучшую черту, космополитство, и взрастить на его месте как в духовной, так и в политической жизни централизм, национальный порядок, «государственное самосознание». Прусачество, лютеранство – во второй половине 19-ого столетия, когда капитализм начал индустриализовывать Германию, они родили из банальности самой конкретной и из глупости самой абстрактной из всех философий теорию своей бездуховности, и вспыхнувшая в капиталистических формах классовая борьба увидела, как противники хватаются за один и тот же философский канат, только взяли они его с разных концов. Бисмарк расколол Германию и создал центральную имперскую конструкцию с прусским королём в роли императора во главе, приготавливая таким образом почву для ничем не сдерживаемого расцвета капиталистической монополии; Карл Маркс расколол рабочий Интернационал, вышвырнул Бакунина и других революционеров, которые больше доверяли ответственности самого пролетариата, его жажде свободы и силе его решительности, чем умению считать революционных менеждеров с твёрдым окладом, и сделал из религии социализма церковь социал-демократии. Бисмарк организовал три войны, чтобы создать аграрным, индустриальным, и биржевым

как у социал-демократических и коммунистических марксистов. Те в 1918/19 гг., эти в 1923-м: Бисмарксизм на всех фронтах.

Удивительно ли? Марксизм, Ландауэр выразительно указывает на это в своём замечательном «Призыве к социализму», нигде во всех своих теоритических трудах ни занимается социализмом, он исчерпывается анализом и критикой капитализма. Однако тем, что он исходит от гегелевского учения о разумности всего сущего и утверждает неизбежную необходимость капиталистического периода, делает его дальнейшее развитие до кульминационного пункта в далёком будущем основанием своего революционного учения, он соглашается с условиями капитализма, соглашается, таким образом, с государством, централизмом, авторитарным принципом, всем, на чём основывается капитализм. Пролетариат не достигнет свободы, пока не уйдёт от идеи государства. Он может уйти от государства, пока в своей собственной освободительной борьбе не отбросит учения, являющиеся опорами всякой государственной веры: авторитет и дисциплина, централизм и бюрократизм, позитивизм и фатализм. Наука, говорит Бакунин, должна освещать жизнь, а не править ей. Предводительницей в борьбе революционного пролетариата должна быть не спорная наука марксизма, который есть ни что иное как Бисмарксизм, но неоспоримая религиозная вера в своё право и свою силу, ненависть к угнетению и воля к свободе!

расцветёт новая, социалистическая. Но я замечаю и верные приметы этого кризиса, первой и самой доходчивой из которых была Мировая война со своими непоправимыми последствиями для капиталистической машинерии; распознавание этого кризиса не имеет ничего общего с фатализмом, но обязывает к вмешательству, дабы подымающая зверюга не уничтожила в агонии ростки, из которых должны расцвести революция, социализм и свобода. Гибель капитализма в его теперешней форме вовсе не обуславливает образование социализма на его месте. Другой, возможно, лучше организованный капитализм очень даже может, если революционные социалисты не ускорят смертельный кризис смертельным ударом, дать эксплуатации в изменённой форме новые и расширенные возможности. Останется государство, в какой либо форме, жить, тогда и капитализм, а вместе с ним и позитивизм, церковничество жизни, одним словом – Бисмарксизм, получит возможность действия.

Смертельная болезнь капитализма — это вместе с тем и смертельная болезнь марксизма. Сегодня же, по крайней мере в Германии, рабочее движение без исключений стоит на почве фаталистского учения, и можно видеть социал-демократов, независимых социал-демократов, право- и левобольшевистских коммунистов, «КРПистов» (коммунистическая рабочая партия) и унионистов всех мастей взаимно пересказывающими Библию гарантировано научного социализма, доктрину Маркса, при использовании ужасающего крючкотворства. Самому повертеть библейским словом, усомниться в исцеляющей правде всего марксизма – на это никто из них не отваживается, это у социалистов такое же преступление, как и у эпигонов Бисмарка отрицание необходимости великопрусской Германской Империи. И глядь: поддтверждение этой необходимости нигде не происходит так убедительно,

капиталистам достаточно места для размаха при эксплуатации человеческой рабочей силы; Маркс написал мастерский для своего времени, но очень менторский анализ капитала, который он приправил одолженной у Гегеля абстрактной философией, следуя которому, капитализм, якобы, является естественной, природной необходимостью в разматывающемся по ниточке исторической диалектики развитии человечества, а исторический материализм обосновывает его распухание до переизбытка, которое заставит его лопнуть самого по себе при помощи неизбежной пролетарской революции. Бисмарк практиковал авторитарное государство, чей властный фундамент поддерживался командной властью младшего офицера над рекрутом; Маркс скопировал в партии и профсоюзе дисциплину и муштру, субординацию и доносительство кайзерского государства и к этому перенял у католической церкви непогрешимость Папы и лестницу повышений в соответствии со степенью преданной набожности. В конце концов, Бисмарк выстроил своё государство по принципу самого авторитарного централизма, как это и соответствовало пожеланиям и интересам эксплуатирующей буржуазии, а Маркс объявил эту форму организаци формой «рабочего государства», так же походящую для пролетариата после захвата власти.

Так в новой Германской Империи росли два враждебных дерева из одного корня, одного скучного и лишённого фантазии авторитарного учения, кормясь одними теми же силами, бездушной и безрадостной дисциплиной, да претенциозным и совершенно бесплодным бюрократизмом; оба готовы побить конкуренцию всеми средствами власти или хотя бы воли к власти: Бисмарк – национальный капитализм других стран, Маркс – революционных социалистов, которые не желали пользоваться ни марксовой фаталистской теорией, ни всеобщит выборным правом Бисмар-

ка, которые не пытались захватить государств, но все их разрушить, чтобы вместо них дать людям, работающим неразделяемо никакими государственными границами, производить и потреблять в своих собственных объединениях. Постыдной схожестью обоих деревьев, которые в Германии, как бисмаркоа капиталистическая государственная власть и марксистское доктринерское рабочее движение, стремились к звёздам, которые им не светили, был абсолютный недостаток всякой творческой оригинальности, полнейшее отсутствие всякого религиозного пыла, полнейший отказ от всякой свободы в сущности и цели. Этот недостаток в связке с чрезмерной самоуверенностью, педантичностью, бюрократической спесью, одержимостью параграфами и учительством – это немецкий дух-мучитель, которого правящий класс должен благодарить за своё тупое восхождение от старой ухоженной культуры к денежному могуществу и удобному положению на международном рынке рабов, и который отводил немецкое рабочее движение всё дальше от социализма в сторону отчаяния и ко внутреннему разложению и небоеспособности. Это то, что я, обобщая все беды нашего времени, называю Бисмарксизмом.

Параллель между нетеоритической практикой Бисмарка и непрактичной теорией Маркса провёл ещё Михаэль Бакунин^{2*}, многократно представляемый поверхностными критиками антисемитом и врагом Германии, пять с половиной десятилетий назад. Он не был ни тем, ни другим и категорически сопротивлялся тому, чтоб его считали тем или другим. Тем не менее, в своей полемике он всё время обрушивается с пламенной ненавистью на «немцев» и «евреев». Да будет известно нашим свастичным тевтонцам,

² Экзотики ради сохраняю немецкое произношение имени. Прим. перев.

что Бакунин использовал оба выражения, чтобы обозначать ими одно и то же качество, как раз то, для которого я предлагаю слово Бисмарксизм. Бакунин ругался на немецких евреев и на еврейских немцев и имел в виду дух деспотии и централистского авторитета, практикуемый с одинаковой враждебностью к человеческой ценности и свободе немцем Бисмарком и евреем Марксом; с этой точки зрения он полностью идентифицировал «немечество» и «еврейство», разумеется в полном сознании того, что он характеризовал этим один единственный порок, представляющими который ему казались определённый вид немцев и определённый вид евреев.

Михаэль Бакунин мёртв уже как 50 лет. Безутешные прощания, которые он оставил пролетарской революции на тот случай, если «бисмаркство» (Bismaerckerei) заразит Европу, а Марксизм (Marxerei) – рабочее движение, стали правдой в пугающих масштабах. Но вот уже над обоими областями заражения сгущаются тени. Если я здесь упомянул хоть одним словом «смертельный кризис капитализма», то товарищ, предупреждающий меня, что я поддаюсь фаталистской идеологии марксизма, которая видит мировую историю диалектически делающей своё дело по священным законам и независимо от активной людской воли к действию, в «естественно-необходимом» развитии, заблуждается. Напротив: я полностью согласен с убеждением Густава Ландауэра, что в любое время и везде возможно устранение капитализма и возведение социализма, если люди сделают необходимое, чтобы создать для этого революционные условия. «Смертельный кризис капитализма» для меня не явление божественного провидения, которое могло бы дать нам право бездейственно наблюдать, как существующая теперь экономическая система автоматически рухнет и на её месте, так же по воле божьей, незамедлительно, в порядке марксистски рассчитанных «фаз»,